

Дмитрий Рогозин

Простое правило социологии заботы

Дмитрий Михайлович Рогозин, кандидат социологических наук, заведующий Лаборатории полевых исследований ИНСАП РАНХиГС, Москва, Россия.

ORCID: 0000-0001-7879-1111

Электронная почта: rogozin@ranepa.ru

Для цитирования: Рогозин, Д.М. Простое правило социологии заботы // Социология заботы. 2026. Т. 1. № 1. С. 8–15.

Правило было простым, даже слишком. Говорите только то, что считаете важным, что заботит, занимает вас без остатка.

Примерно в эти дни — точную дату не вспомнить — двадцать пять лет тому назад, в небольшом кабинете сектора «Социология знания» на Крижановского 24/5, Геннадий Семенович Батыгин сказал:

— Дмитрий Михайлович, вам нужно преподавать. В РУДН я веду курсы, возьмите один из них, «Политическая социология», — в то время у меня не было документов, я не мог не только преподавать, но и снимать легально жилье, получать медицинскую помощь, в принципе существовать. Но Геннадия Семеновича это не смущало. — Формально курс будет на мне, но читать его будете вы, а деньги за курс я передам.

— Но я ничего не знаю о политической социологии, ничего не смогу рассказать. Я знаю лишь когнитивный анализ опросного инструмента, — в то время я работал над одноименной книжкой.

— А политическая социология и есть когнитивный анализ опросного инструмента. Говорите только то, что считаете важным, что заботит, занимает вас без остатка.

Самита Манна и Сумьяджит Патра отмечают, что социологическая рефлексия заботы обычно начинается с психоаналитического обращения к «другим», что по факту оказывается заботой о себе, и заканчивается анализом её влияния на отношения между человеком и социальными группами, в которые он входит [Manna, Patra, 2025, p. 196]. Но на деле забота выходит далеко за эти границы, становясь фундаментальным социальным действием, связывающим не только группы, но и общество в целом. Забота, — продолжают индийские социологи, — строится на доверии, осознанной уязвимости и взаимозависимости, хрупкости человеческой жизни:

Поскольку «доверие» и «интимность» остаются ключевыми характеристиками заботы, семья в простых обществах выступала (и сегодня выступает) главным институтом, обеспечивающим заботу на индивидуальном уровне. В той или иной степени всем нам время от времени необходима забота, ведь, по сути, каждый человек уязвим. Зависимость и уязвимость — независимо от возраста, пола и физических возможностей — являются фундаментальными условиями человеческого существования [Manna, Patra, 2025, p. 196].

Доминирующее и очевидное направление социологии заботы вполне укладывается в междисциплинарную область знаний по политическому и социальному конструированию гендера. Так или иначе забота развивается через критику биологических и социальных детерминант гендерного неравенства. Труд, практики заботы в основном воспроизводятся женщинами. Основные фундаментальные исследования, теоретические и эмпирические заключения окрашены феминистской логикой изложения, которая отражается в конституировании этики, политической экономии, труда заботы, социальной политики, прежде всего определяющей современные системы долговременного ухода.

Как обычно воспринимают социологию заботы современные исследователи?

Во-первых, этика заботы: ее наиболее ярким представителем можно назвать Кэрол Гиллиган, автора нашумевшей

работы «Иным голосом» [Gilligan, 1982], в которой, пожалуй, впервые последовательно и аргументированно указывается на ложное толкование заботы как слабости и уязвимости, подчеркиваются значимость моральной позиции заботы, её весомость и перспективы в современном мире. Если Кэрол Гиллиган развивала теорию заботы через женскую оптику, в которой абстрактные представления уступили место конкретным, здесь-и-сейчас реализуемым отношениям, то Нел Ноддингс особо выделила принципиальную парность социального взаимодействия, необходимость одновременного рассмотрения заботящегося и принимающего заботу как равнозначных участников [Noddings, 1984]. Обе работы задали направление ситуационной, не укладывающейся в рамки предписанных кодексов и универсальных правил этики заботы, которое можно считать основным в научной дисциплине:

Заботиться — значит действовать не по жесткому правилу, а из привязанности и уважения. Действия заботящегося, скорее всего, будут разнообразными, не подчиненными правилам: в общем их можно предвидеть, но в деталях — нет. Когда тот, кто заявляет о заботе, действительно заботится, следует ожидать разнообразие в действиях и поступках. Его погруженность в заботу о другом направлена на изменение состояния, которое нельзя заранее предугадать, это забота о конкретном человеке в конкретных обстоятельствах. Если же действия основаны исключительно на правилах, это заставляет нас подозревать, что такой человек прежде всего стремится заслужить признание в том, что он оказывает заботу [Noddings, 1984, p. 24].

Во-вторых, политическая экономия заботы и анализ труда заботы, в рамках которого забота осмысливается не как добровольное проявление доброты, а как невидимая, системно недооценённая и часто неоплачиваемая работа, глубоко интегрированная в капиталистическую логику воспроизводства. Ключевым исследователем этого направления можно назвать Ариэль Даллас Хохшильд, автора концепции «эмоционального труда» [Hochschild, 1983]. Она показала, как эмоции

и забота превращаются в товар, управляемый рынком, особенно в сфере услуг, где работники вынуждены регулировать свои чувства по требованию работодателя. Хохшильд также раскрыла феномен «второй смены»: женщинам приходится совмещать оплачиваемую работу вне дома с неоплачиваемым трудом заботы внутри семьи, что создаёт системный гендерный дисбаланс и усугубляет социальное неравенство.

Если Хохшильд сосредоточилась на микропрактиках эмоционального труда и двойной нагрузке, то Нэнси Фрейзер подняла анализ на макроуровень, введя понятие «кризиса воспроизводства общества» [Fraser, 2013]. Она показала, как неолиберальная политика, игнорируя труд заботы, фактически эксплуатирует его как бесплатную основу для функционирования капитализма, что ведёт к глубокому социальному и экологическому кризису. Для Фрейзер забота — это не просто частное дело, а общественный ресурс, основанный на выработке решений по значимым социальным дихотомиям, в которых может быть описано неравенство современного мира:

Противопоставление независимой и зависимой личности проецируется на целый ряд иерархических оппозиций и дихотомий, лежащих в основе современной капиталистической культуры: мужское/женское, публичное/частное, работа/забота, успех/любовь, индивид/общество, экономика/семья, конкуренция/самопожертвование [Fraser, 2013, p. 149].

Дополняя эту картину, Фиона Уильямс (Fiona Williams) исследовала общие аспекты заботы, выявив феномен «глобальных цепочек заботы» [Williams, 2004]. Она показала, как глобализация и миграция превратили заботу в транснациональный рынок: женщины из стран Юга мигрируют в богатые страны, чтобы работать нянями и сиделками, оставляя своих собственных детей на попечение родственников или государственных служб. Это создает новую форму межконтинентального перераспределения заботы, где богатство одной части мира строится на эксплуатации труда заботы другой.

В-третьих, изучение долговременного ухода, практик старения и обеспечения помощью и поддержкой людей

с инвалидностью сквозь призму новой этики заботы, в которой вместо акцента на автономии, правах и справедливости внимание направлено на отношения созависимости, контекст и повседневные практики. Ярким представителем реляционного поворота в социологии заботы выступает Джоан Тронто. Она предлагает политическую этику заботы, в которой забота — не частное, а социально распределённое и морально значимое действие [Tronto, 1993], что позволяет Самите Манне и Сумьяджит Патре говорить об эпистемической трансформации представлений о заботе в её работах [Manna, Patra, 2025, p. 196] и развивать социологию заботы на принципах доверия, осознанной уязвимости и взаимозависимости, хрупкости человеческой жизни.

В 2025 году мы с коллегами из РАНХиГС организовали масштабное качественное исследование российской системы долговременного ухода, провели более 200 биографических интервью с региональными служащими, организаторами ухода и помощниками по уходу, получателями уходовых услуг и их родственниками. Многое еще предстоит осмыслить и многое написать, но одна деталь представляется особенно важной в перспективе размышлений о дисциплинарных границах социологии заботы.

Все без исключения наши собеседники говорили о важности, необходимости и эффективности системы долговременного ухода. Положительные оценки звучали повсеместно, говорили ли мы с чиновниками или с простыми гражданами. Обычно склонные подмечать в действиях власти те или иные промахи, наши соотечественники единодушно выражали благодарность за развернувшуюся по всей стране (пусть в малом масштабе, но с детальной проработкой) систему помощи старикам, людям с инвалидностью. В какой-то момент я задал вполне безобидный вопрос:

— Кем вы себя видите через 20–30 лет? Хотели бы, чтобы к вам также приходил помощник по уходу?

Вопрос задал женщине, оказывающей уход, с большим стажем работы в социальной службе, с положительными отзывами, доброжелательной и деятельной. И получил ответ:

— Ни в коем случае. У меня хорошая семья, они не отдадут меня чужим. Эта система для обездоленных, тех, у кого что-то не получилось в жизни.

Надо сказать, что я растерялся тогда от ответа. Начал задавать вопрос всем подряд: помощникам, организаторам, чиновникам. Все в один голос говорили:

— Да, система длительного ухода хорошая, но не для меня и не для моей семьи.

Другими словами, добро, значимость ухода, заботы определялась не как взаимная практика, а как некоторое благо, милосердие и добролюбие, направленные на других, бездомных, забытых и одиноких, ни в коем случае не на себя и членов своей семьи. Только в крайней нужде, при крайних стечениях обстоятельств участники системы длительного ухода могли допустить получение подобных услуг.

Насколько оправдана такая позиция?

В социологии заботы чрезвычайно важно изучать других, обличать неравенство, бороться с несправедливостью, но не менее важно обратить внимание на себя, на свой жизненный мир, свою позицию. Автоэтнография заботы, акцент на себе и своей семье вскрывают важнейший пласт исследований, теоретическая рамка которых выходит за пределы изучения гендера, главенства капитала или медицины. Её основание — практики повседневности, феноменологическое понимание обыденной жизни.

Альфред Шюц не посвятил ни одного сочинения феномену заботы, но его размышления об интерсубъективных отношениях, практиках взаимопонимания и взаимной ориентации непосредственно отражают ключевую характеристику заботы — реципрокность и взаимосвязность получателя и отправителя заботы. Как смыслы не могут быть сконструированы в перспективе однонаправленного наблюдения, а требуют присутствия другого, диалога и взаимопонимания, так и забота разрушается в однонаправленном действии. Исключение своего мира, невозможность представить себя в роли получателя приводят к трансформации заботы в управление, ухода в надзор, а человека в клиента. Именно на это обращает внимание Аннмари Мол, критикуя современную систему здравоохранения, в которой доминирует «логика выбора», или нарратив индивидуальной ответственности и рационального менеджмента, а не «логика заботы», сопребывание и пребывание в одном времени с человеком, «сонастройка», беспрестанные попытки

находить баланс и идти на компромиссы в условиях невозможности достижения «идеального» здоровья, опору, когда что-то неизбежно будет выходить из-под контроля.

Более того, задачи заботы распределяются и перераспределяются в рамках целой команды человеческих и нечеловеческих акторов (профессионалы, техника, лекарства, тела, пациенты и значимые другие) [Mol, 2008, p. 19]. В логике заботы все начинается не с индивидов, а с коллективов, в которые они включены [Mol, 2008, p. 58] и с которыми они разделяют привычки и т.д. Например, в семье другие члены любят есть много жирного, и это нужно учитывать при обсуждении жизни с болезнью, вовлекать значимых других в процесс заботы. В логике заботы мы прежде всего не автономные индивиды, мы неразрывно связаны друг с другом. Мы «обязаны другим самой своей способности действовать» [Mol, 2008, p.62]. Потому любое действие совместно, мультипликативно, смежно с другими.

Углубляясь в феноменологические основания заботы, мы актуализируем широкий репертуар теоретических и эмпирических работ, не связанных напрямую с гендерными или медицинскими исследованиями, но позволяющих сконструировать теоретическую логику и составить концептуальный план описания заботы как фундаментального основания жизненного мира. Потому для публикации исследовательских работ в журнале «Социология заботы» основным критерием будут не семантические представления о заботе, а важность для исследователя поднимаемых вопросов, поиск собеседника для их разрешения или хотя бы поддержания в актуальном дискурсе. Социология заботы — это то, что необходимо и достаточно, что заботит, подталкивает к академической дискуссии и практическому действию.

При сложившейся доминанте феминистского и феноменологического подходов на социологию заботы теоретическая рамка этого направления отнюдь не завершена. Что такое забота? Как забота связана с фундаментальными социологическими концептами: порядком, солидарностью, социальной структурой или социальным действием? Как забота согласуется с этическим поведением? Где мы находим заботу? Как глобальные кризисы, цифровизация, образы будущего трансформируют практики заботы? Как изучать заботу? Какие средства,

методические решения для организации полевых исследований заботы наиболее релевантны текущей ситуации? Как анализировать, описывать, представлять публично заботу? Как согласовывать научные и практические интересы? Как представлять позицию других, оставаясь этичным и деятельным?

Вопросов много. Но правило будет простым, даже слишком. Пишите только то, что считаете важным, что заботит, занимает вас без остатка.

Литература

1. *Fraser, N. Fortunes of feminism: from state-managed capitalism to neoliberal crisis. Brooklyn: Verso Books, 2013.*
2. *Gilligan, C. In a different voice: Psychological theory and women's development. Cambridge: Harvard University Press, 1982.*
3. *Hochschild, A. R. The managed heart: Commercialization of human feeling. Berkeley: University of California Press, 1983.*
4. *Manna, S., Patra, S. Sociology of care: Understanding existing social system in the face of social transformations // Hundred years of sociology in India: Evolving issues, emerging trends / Ed. by A. Chauhan, A. Niumai, T. Paltasingh. Singapore: Springer Singapore, 2025.*
5. *Mol, A. The logic of care: Health and the problem of patient choice. New York: Routledge, 2008.*
6. *Noddings, N. Caring: A feminine approach to ethics and moral education. 2nd ed. with a new preface. Berkeley: University of California Press, 1984.*
7. *Tronto, J.C. Moral boundaries: A political argument for an ethic of care. New York: Routledge, 1993.*
8. *Williams, F. Rethinking families. London: Calouste Gulbenkian Foundation, 2004.*

Dmitry Rogozin

A simple rule for doing the sociology of care

Dmitry M. Rogozin, Candidate of Sociological Sciences, Head of the Laboratory for Field Research, The Institute of Social and Economic Analysis, RANEPa, Moscow, Russia.

ORCID: 0000-0001-7879-1111

Email: rogozin@ranepa.ru

For citation: Rogozin, D. M. (2026) A Prostoe pravilo sociologii zaboty [Simple rule for doing the Sociology of Care]. *Sotsiologiya zaboty* [Russian Sociology of Care]. Vol. 1. No. 1. P. 8–15. (In Russ.)

Reference

1. Fraser, N. (2013) *Fortunes of feminism: from state-managed capitalism to neo-liberal crisis*. Brooklyn: Verso Books.
2. Gilligan, C. (1982) *In a different voice: Psychological theory and women's development*. Cambridge: Harvard University Press.
3. Hochschild, A.R. (1983) *The managed heart: Commercialization of human feeling*. Berkeley: University of California Press.
4. Manna, S., and Patra, S. 2025. Sociology of Care: Understanding Existing Social System in the Face of Social Transformations. In *Hundred Years of Sociology in India: Evolving Issues, Emerging Trends*. Edited by A. Chauhan, A. Niumai, and T. Paltasingh. Singapore: Springer Singapore.
5. Mol, A. (2008) *The logic of care: Health and the problem of patient choice*. New York: Routledge.
6. Noddings, N. (1984) *Caring: A feminine approach to ethics and moral education*. 2nd ed. with a new preface. Berkeley: University of California Press.
7. Tronto, J.C. (1993) *Moral boundaries: A political argument for an ethic of care*. New York: Routledge.
8. Williams, F. (2004) *Rethinking families*. London: Calouste Gulbenkian Foundation.